РУЛА (заметки о романе)

Иван Образцов

ЭПИГРАФ

Девочка с грустными глазами долго смотрит из окна автобуса на лужи, что разбиваются под колёсами несущихся автомобилей.

ПРОЛОГ

Письмо - та область неопределённости, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего.

Ролан Барт «Смерть автора»

В конце века, в холодной северной стране, в провинциальном городке, недалеко от границы четырёх государств родится мальчик. Мальчик будет говорить стихи. Его будут любить и ненавидеть одинаково сильно…

Гараван «Книга ста пророчеств»

1

аккаунт Поэт

Записи

Бред и полусон...

До утра остаётся две сигареты - измерение времени окурками в пепельнице. Точка отсчёта - распечатанная пачка.

Бред и полусон...

Легко повторять одну и ту же фразу, она гипнотизирует и начинает нравиться. Создаётся ритм, ритм африканских там-тамов. Ты удав и кролик одновременно.

Бред и полусон...

Мозг силится установить логическую связь в перестановке слов: первое должно начинаться после второго, а, следовательно, их нужно поменять местами, но смена ритма вызывает дискомфорт.

Бред и полусон...

Звук эха в лабиринте твоих галлюцинаций. В лабиринте много комнат, но выход один. Можно войти в помещение, полное красных цветов и застрять там навсегда. Можно оказаться в ловушке и выход станет только входом. Ловушка для рыб, где есть только вход - разве ты уже рыба?

Бред и полусон...

Обрывки дневных разговоров, каких-то дел и прочей ерунды. Перестраивание сознания в связи с изменением обстановки. Вроде как военная хитрость. А война, она чья?

Бред и полусон...Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети...И тогда начинается сон...

2

Люсильда Игоревна

Дом номер 21, в котором жил Поэт, стоял на пересечении Малой Олонской улицы и Крестьянского проезда. Это был старый трёхэтажный купеческий дом конца 19 века. После революции и последующего раскулачивания купца, дом был перепрофилирован в коммунальное жильё для рабоче-крестьянского населения. Три подъезда по шесть комнат на каждом этаже.

В комнате напротив жила женщина сорока с лишним лет – Люсильда Игоревна Шуршат-Подольская.

Каждое утро, кроме выходных дней, в восемь часов, отправляясь в редакцию местного литературного журнальчика «Край», где она уже несколько лет работала замом главного редактора, и тщательно закрывая ключом дверь своей комнатки, Люсильда Игоревна попутно «шла гулять» свою маленькую белую безумную болонку. Болонка истерично дёргала поводок, поскуливала, потому как знала – отхожее место болонок находится в близлежащем сквере, а хотела она туда очень.

Если Поэт по какой-то причине вставал ни свет, ни заря, то выходя из комнаты, обязательно натыкался на Люсильду Игоревну с её безумной болонкой. Болонка начинала лаять и бешено вращать глазами, будя всех соседей. Поэт всегда вежливо здоровался, но Люсильда никогда ничего не говорила, а только высокомерно кивала в ответ. Он пропускал её вперёд, а после шёл на кухню и наливал воды в чайник. На обратном пути Поэт бросал взгляд на дверь общего душа, где была пришпилена бумажка со списком

«очерёдность уборки общего душа жильцами секции». Фамилии жильцов были почему-то расположены не по порядку номеров квартир, а по алфавиту, и первым всегда значился Ах Юлий Робертович тире №33. Юлий Робертович был молодым человеком нескладной наружности и холостяком, работал системным администратором в какой-то фирме и вёл ненормированный образ жизни. Поэт невольно читал список и повторял про себя, глядя на выходящую в двери Люсильду Игоревну: Ах, Юлий Робертович! «Ах» всегда выходило отдельно, а Юлий Робертович – автоматически.

Вообще у Поэта уже давно появилась неприятная привычка, от которой он никак не мог избавиться – когда он был чем-то впечатлён, то говоря про себя «Ах!» - грустно ли, радостно ли - неизбежно вспоминал соседа.

Иногда Поэт просыпался ночью от звуков подъехавшего к подъезду такси, женского смеха и громкого голоса Юлия Робертовича.

Поэт вставал, подходил к окну и слушал, как хлопала, закрываясь, дверь подъезда. Он стоял возле окна ещё некоторое время и смотрел через стекло в ночь, поглаживая правой ладонью подоконник.

3

Юлий Робертович

При всей внешней нескладности и даже небрежности Юлий Робертович имел успех у женщин. Его любили молодые девушки и взрослые серьёзные женщины, студентки и бизнес-леди. Практически каждая вторая особа противоположного пола при виде его долговязой фигуры испытывала непреодолимое желание погладить Юлия по голове, прижать к груди и расцеловать в макушку.

Юлий Робертович пользовался своим успехом беззастенчиво и одновременно осторожно – он старался никогда не переходить той грани, когда роман трансформируется в супружеский долг. Он вообще не любил быть должным, а уж тем более женщине, а уж тем более супружество.

Работа системным администратором приносила не самый большой, но стабильный доход, так как лучше всего Юлий Робертович умел делать две вещи – заводить короткие романы и быть хорошим электронщиком. И всё было замечательно, кроме одного – примерно лет с четырнадцати его систематически мучил один и тот же очень постыдный сон.

Юлий уже давно понял, что этот сон снится только в те ночи, когда он спит один. Вот и сейчас, вздыхая и ворочаясь на кровати, он старался оттянуть момент засыпания, тоскливо понимая, что уснуть всё равно надо – завтра предстоял длительный и сложный рабочий день, надо будет ехать к заказчикам в соседний район и разбираться с установкой нового оборудования.

Сквозь закрытую пластиковую раму окна иногда доносился звук проезжающих автомобилей. На рабочем столе монотонно мигал огонёк монитора, отбрасывая тусклые фиолетово-синие отблески на потолок. Юлий ещё раз вздохнул, перевернулся на бок, почесал нос и за ухом, и постепенно задремал…

В старой трехкомнатной квартире было светло и уютно. Юлий вышел на балкон и оперся о нагретые полуденным июльским солнцем перила– внизу бегали и копались в песочнице дети, у подъезда сидели соседка тётя Зина и её двадцатилетняя дочь Светка, которую все называли Доча. Доча что-то рассказывала матери и обе иногда поглядывали на возившегося у детской качели Даньку, дочиного сына.

- Юль, – позвала мать.

Юлий вернулся в комнату. В зале, на кресле сидела мать и перебирала какие-то цветные тряпочки.

- Юль, помоги мне вот эти сюда разложить, а эти сюда, – мать показала на две начатые кучки.

Сев рядом, он почувствовал прикосновение тёплого материнского плеча и посмотрел ей в лицо. Вместо матери рядом сидела её подруга Ольга. Ольга взяла Юлия за запястья и положила его руки себе на бёдра. Она улыбнулась и обняла Юлия за шею, прижавшись всем своим мягким и тёплым телом. Юлий как бы случайно хотел потрогать Ольгину грудь и начал гладить её живот, поднимаясь всё выше и выше. Он провёл ладонью, но груди не было, только гладкое ровное пышное тело (Юлий даже не заметил, когда Ольга оказалась без платья). Он обнял это большое мягкое тело и вдруг почувствовал под ладонями мягкие горячие шары – грудь была на спине. Ольга смотрела ему в лицо и молча улыбалась, как бы успокаивая и всё разрешая. Юлия влекло к ней, и в то же время он испытывал неловкость и стыд за своё влечение. Он с силой прижал Ольгу к себе и провалился в это большое оранжево-розовое сонное тепло.

4

Анна Андреевна

За стенкой, в комнате 34 жил Павел Поликарпович Горшин. Человеком он был вида не то чтобы невзрачного, но как-то особо незаметного - среднего роста, склонный к полноте, лысеющий, одинокий, но... философ. Скорые зимние вечера казались ему прекрасным временем для печальных философских обобщений.

Сейчас он стоял в пижамных брюках посреди общей кухни в ожидании закипающей кастрюли, с пачкой покупных пельменей в руках. У соседней плиты суетилась соседка из комнаты 32, Анна Андреевна.

- Павел Поликарпович, у вас полка скоро упадёт, возьмите гвоздь, забейте.

- У меня нет молотка и это не просто ничего не значащий факт, а следствие более глубоких причин, – Павел Поликарпович любил, как ему казалось, умно изъясняться, - собственно, причину отсутствия молотка, среди имеющихся у меня инструментов, коих имею я невозможно малое количество…

- Господи, Павел Поликарпович, – попыталась остановить бесконечный клубок рассуждений соседа Анна Андреевна, – у меня под вашей полкой машинка новая стиральная стоит. Ради бога, укрепите как-нибудь полку.

- Нет, нет, здесь, дорогая Анна Андреевна, дело не в полке. Ваш страх потери предмета быта есть показатель мировоззренческий, типичный для данной системы общественных отношений, а именно – системы общества потребления. С точки зрения состояния общечеловеческих ценностей – это симптом тревожный.

Павел Поликарпович преподавал в местном Университете философию и практически всегда находился в состоянии лектора.

- Понимаете, Анна Андреевна, – Павел Поликарпович даже стал немного размахивать пачкой пельменей в такт своей речи, – мало кому сегодня действительно ценны слова поэта «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины: Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, Что над Элладою когда-то поднялся…».

Пока Павел Поликарпович говорил речь, Анна Андреевна, вздохнув, открыла ящик своего кухонного стола и достала оттуда длинный, стомиллиметровый гвоздь, молоток, и положила всё на стол перед оратором.

- Ну что вы, я бы самостоятельно мог добыть столь примитивные орудия труда. Впрочем, спасибо, мне не придётся, подобно великому Диогену ходить с фонарём по нашим комнатам и искать человека, – Павел Поликарпович стал распечатывать пачку пельменей, так как закипевшая в кастрюле вода уже брызгала на плиту, - После ужина я обязательно исполню эту простую работу.

Когда Павел Поликарпович ушёл со своими пельменями в комнату, Анна Андреевна, ещё раз вздохнув, взяла молоток и начала самостоятельно вбивать в стену гвоздь, при этом разговаривая вполголоса сама с собой: «Гомер, Гомер, этот ваш Гомер и не того ещё бы понаписал».

Нужно сказать, что Анна Андреевна была женщиной с образованием, но очень практичной, потому и работала кладовщиком на овощной базе. Она считала так – вначале дело, а уж после того и отдохнуть можно, в парк сходить или пускай даже в театр.

«Басни рассказывать все мастера. Или вот этот их, Диоген - чего он всё со своим фонарём по городу шатался, да в бочке потом полёживал? Отчего бы ему работать не пойти, а?» - Анна Андреевна в последний раз ударила по гвоздю и отошла назад, чтобы взглянуть на результат своего труда, «Человека он искал, лучше бы работу себе нашёл. Бездельничать, да разглагольствовать они все горазды, а как гвоздь в стену забить, так сразу - с пельменями в кусты. Философы, Диоген их…».

5

аккаунт Поэт

Ранний зимний вечер опускался на город. За инеем темнеющего окна набухали разноцветные шары - жёлтые, синие, красные – и он вроде бы знал, что это обычные неоновые фонари реклам, искажённые замёрзшими на стекле парами воды, но зудел внутри страх - страх узнавания подробностей.

Это был страх разочарования в надежде. Как при поиске экзопланет в распахнутых глубинах космоса, всегда есть страх увидеть уродливую карикатуру на планету Земля. Потому никто, кроме отчаянных романтиков, не рискует говорить об этих планетах подробно. Рисковать не хотелось, но он решился. Ведь самая далёкая и неизвестная экзопланета это всегда - ты сам.

Так вот, ранний зимний вечер опускался на город. За окном, как собственно и перед ним, продвигался вперёд очередной прохладный век от Рождества Христова. Мобильная связь, интернет и прочие достижения человеческого интеллекта ещё не успели окончательно угробить психику людей, но уже наплодили своих психопатов. Природа реагировала на бурную деятельность человечества, как организм реагирует на вирус – селями, землетрясениями и цунами. И среди всеобщих скоростных процессов, катастроф, истеричных заявлений о конце света, тихие зимние вечера, подобно снам о потерянном рае, пробуждали в глубине души сосущую ностальгическую тоску по покою.

Герой смотрел на цветные разбухающие шары. Он был Поэтом, но сегодня не было стихов, только проза.

- Значит проза, - решил он.

Поэту не нравилось печатать черновики на клавиатуре компьютера так же, как не нравилось писать в разлинованных тетрадях. Все его черновики были именно рукописными текстами и именно на нелинованных листах. Откуда в его двадцать восемь лет этот своеобразный консерватизм он и сам не знал. С другой стороны, бороться с этим не было никакой необходимости, особенно сегодня, когда он почти физически ощущал - что-то должно было начать происходить.

Он отошёл от окна, сел за стол и, пододвинув к себе чистый белый лист, начал писать:

«И вновь тишина. В ней я вспоминаю тебя. Тебя… Себя…Может быть нас? В будущем? Будущих? Вспоминаю… Какое-то внутреннее беспокойство. Тревожит. Непонятное. Эхо, мечущееся в глубине души. Стены, тяжелые влажные стены, в которые ударяется звук и отскакивает с глухим вскриком «слы-ы-ши-и-шь…». Этот лабиринт, в нём ты, я – другие мы… Душа, Любовь, Привычка – стены, стены, стены… А кто сказал, что выход есть!? Выхода нет, я сам закрывал все двери, точнее – замки. Вот он, ключ от последнего замка. Вот он, маленький кусочек стали на моей ладони. Дай ему своё имя, хотя… это уже не имеет значения…

Знаешь, я подумал сейчас, что можно ещё повернуть назад. Повернуть, с болью, с растоптанной гордостью, с рухнувшими идеалами. Ещё можно… Можно обмануть всех, обмануть тебя. Себя обмануть сложнее, но тоже можно. Беда лишь в том, что нас этому так и не научили…

И вновь тишина. В ней я вспоминаю тебя. Тебя … себя… может быть нас,… вспоминаю… Ключ - я размахиваюсь и выбрасываю его в пустоту ночи. Нет выхода из лабиринта… Здесь ты, я и… одиночество…».

Он встал, прошёлся по комнате и, достав новый чистый лист, сделал ещё несколько, не связанных между собой по смыслу записей:

«Воспоминания о будущем?»

«Метеориты – это разлетающиеся осколки звёзд»

«Планеты – это собранные в комок осколки звёзд»

«Если вдуматься, сколько же мы теряем времени впустую, стоя в очередях»

Поэт посмотрел на настенные часы – они показывали половину пятого. Он включил настольную лампу и прошёл на кухню. Наливая воды в чайник, он всё думал об этом странном чувстве, точнее – неприятном предчувствии, что не покидало его сегодня с самого обеда…

6

Андрей Родионович

В противоположном конце коридора уже пятый год, в ожидании отдельного благоустроенного жилья, жила единственная на этаже семейная пара с ребёнком – слабеньким белокурым мальчиком трёх лет.

Муж, Андрей, работал экспедитором в маленькой строительной фирме. Это был крупный мужчина с вечно грустными, от постоянных скандалов жены, глазами. Иногда, он до поздней ночи сидел на кухне и делал вид, что занят каким-нибудь делом, лишь бы не идти домой и не выслушивать очередную порцию претензий дорогой супруги. Зато сына он любил безмерно и мальчик, чувствуя это, если плакал, то всегда звал именно папу.

Жена, Наталья – маленькая полная женщина тридцати лет – работала аналитиком в местном отделении полиции. Человеком она была вредным и вечно недовольным жизнью. Соседи относились к ней не иначе, как к колобку зла, который обязательно есть в любой коммунальной квартире.

- …Ведь, как там, у Достоевского - не было б Арины Родионовны, няньки Пушкина, так, может быть, и не было б у нас Пушкина. И вот посмотрите же, оказалось, что и без того русское начало сохраняется в человеке. Это я про Цветаеву, ведь немка ж немкой, а какую, именно русскую душу, страстную,

растерзанную написала! – Павел Поликарпович встал и заходил туда-сюда по кухне, он уже несколько минут говорил речь.

Поводом к речи (хотя Павел Поликарпович мог говорить часами и без всякого повода) послужило то, что Андрей прочитал в какой-то цветной газетке статью с названием «Детство африканского мальчика Саши Пушкина».

- Только и привычек ведь у нас своих дурных хватает, я имею в виду нас, образованных, пишущих людей. Взять те же рабочие или, как их называют, пролетарские районы. Что же мы, невежество этих людей презираем? – нет, мы человека презираем и они в ответ туда же. А если война, что тогда? А я вам скажу что – тогда все эти работяги и пойдут воевать, всю грязную работу делать, а мы – в штабе, в тылу. Разумеется, и в тылу и в штабе нужно кому-то быть, но я это к тому, что только вместе, сообща, так сказать, и можно большие дела делать.

- А чего делать-то, вы ж сами говорите, привычка наша такая, – Андрей помешал ложкой суп, – а привычка, как известно, вторая натура.

- Возлюби ближнего своего, как самого себя, вот единственный путь единения, – торжественно изрёк Павел Поликарпович и поднял вверх вместо пальца яйцо, которое собирался разбить на сковородку.

- Ну да, конечно, возлюби. Этак вы скоро в лапти нарядитесь и пойдёте возлюблять, только, простите, на вас, как на ряженого смотреть будут, а то и побьют между делом, и не со зла побьют, а так, за-ради развлечения. Вот вы семечки, например, жареные щёлкать, да ещё сидя на корточках, любите?

- Нет, а что? – не понял Павел Поликарпович.

- А то, что зря, – усмехнулся Андрей, – но это я так, для примера.

- При чём здесь семечки и корточки, – догадался Павел Поликарпович, – это же стереотип.

- Вот, вот, прям вот это слово и скажите, когда возлюблять будете. Подумают, что вы кого-то обозвали и ещё раз побьют, но уже за дело.

-Да что вы всё побьют, да побьют, что же это по-вашему, у нас народ только по лицу и может бить?

- Почему же только бить, ещё и получать по лицу может, – рассудительно подвёл итого Андрей.

- И как по-вашему тогда быть? Оставаться совершенно равнодушным к происходящему? – не унимался Павел Поликарпович.

- А по-моему, надо только, чтобы каждый своим делом занимался, а если война, так чего ж, соберёмся, да повоюем. Вот все говорят, что живём мы плохо, а кто говорит-то? Если голова и руки на месте, то дело ты себе всегда найдёшь и нечего виноватых искать, если у тебя всё плохо, значит, сам виноват, вот и всё, а остальное, как вы там говорите, стереотип.

- Как просто у вас, Андрей, всё выходит – сиди и не думай.

- Я же не говорю не думать, я говорю, виноватых нечего искать, если сам виноват. Вот выйдите на улицу, посмотрите машин-то сколько, ни пройти, ни проехать, а машина ж не пять копеек стоит и на что их все себе понабрали, если плохо живут, от плохой жизни?

- В кредит, разумеется, понабрали, а потом народу этими кредитами петлю на шее и затягивают, душат, так сказать, материально.

- Ага, кредиты, только скажите мне, пожалуйста, Павел Поликарпович, зачем тебе эта машина в кредит, если ты и так плохо живёшь?

- Ну, возможно, человеку она для работы нужна или для каких-нибудь бытовых нужд, – Павел Поликарпович немного растерялся от этого вопроса, так как автомобиля никогда не имел и смутно представлял себе его необходимость.

- Нет, не в работе и нуждах дело, а в натуре нашей – любим мы больше всего на свете две вещи – понты и халяву. И берём всё, потому что все берут, а потом возмущаемся, будто нас обманули. А кто обманул – сами себя всю жизнь и обманываем. Вот скажи, Поэт, нужна тебе машина в кредит?

Поэт на протяжении всего диалога молча сидел у окна, курил и листал рекламный буклет одного из местных торговых центров:

– Машина мне не нужна, даже и без кредита, у меня понты другие, а про халяву я думаю, что бесплатный сыр только в мышеловке бывает, хотя это и так всем известно.

- Андрей! – раздался из комнаты крик Натальи, а следом появилась и она сама. – Фу, а накурили, дышать невозможно. Ты долго ещё с этим супом возиться будешь?!

Андрей, опустив голову, начал сосредоточенно мешать ложкой борщ, он не боялся своей жены, просто предпочитал с ней лишний раз не связываться.

Она подозрительно покосилась на Поэта и повернулась к Павлу Поликарповичу:

– Павел Поликарпович, уже неделю, как ваша очередь в душе убирать.

- Правда, а я что-то заработался, совсем из головы вылетело, – пробормотал тот.

- Ну, в душ-то ходить из головы не вылетает, а расписание на двери душа висит. Надо, наверно, его вовнутрь перевешать, чтоб мыться и постоянно смотреть, так точно не забудете, – и Наталья, довольная собой, ушла обратно в комнату.

На кухне повисла дурацкая неловкая пауза и стало ясно, что разговор как-то сам собой развалился.

7

аккаунт Поэт

Пока все нормальные люди работали на разных работах (действительно, чем ещё вроде бы можно заниматься на работе, кроме работы), Поэт занимался сочинением стихов. При всей значимости данного состояния – ведь не называть же это профессией и работой – поэтическое ремесло не приносило сколько-нибудь стабильных доходов. Времена полного безденежья сменялись неожиданным дивидендами в виде премий или платы за участие в различных культурных событиях их маленького провинциального городка. Жить на такие доходы было можно, но только в том случае, если поэт обладал недюжинными организаторскими способностями и талантом к передвижению в пространстве со скоростью звука собственного голоса. В конце концов, деньги платили вовсе не за поэзию, а скорее за возможность отчитаться перед чиновниками «о проделанной работе и организованной культурной программе» или (что было большой редкостью) за рукопись.

Темп был бешеным и понятно, что выматывал страшно, потому Поэт часто впадал в состояния, подобные сегодняшнему состоянию тоски о покое. В такие моменты все ощущения словно притуплялись, и возникало, в глубине души, сладкое желание послать всех далеко и надёжно. Но сегодня к этому желанию примешивалось смутное чувство тревоги, непонятно откуда возникшее и неясно, что означающее.

Закипел чайник. Поэт достал из синего кухонного шкафчика чашку и бросил в неё три чайных пакетика «Ушебти». Интересно, подумал он, кому понадобилось называть чай «Ушебти». Ну, понятно ещё «Вкусный» или «Весенний», а тут… может дело в составе? Он повертел в руках пачку – чай чёрный байховый – вроде ничего египетского не примешано…

8

аккаунт Поэт

Записи

Если ты меня потеряешь. Я не уйду. Я больше не вернусь.

Гараван «Книга ста пророчеств»

Печенье

Ему, уже в который раз, снился почти один и тот же сон: растрепанные волосы, нервное подрагивание худых плеч и шуршание книжных страниц – все это выплывало по отдельности. Каждый раз он пытался разгадать странные символы… Хотя, что в них собственно странного? Обрывки сна и только. В эту ночь почему-то особенно сильно грохотали колеса трамваев, лаяла пара собак и еще кто-то где-то чем-то похрустывал. Ах, да, это печенье! Кстати, и поесть так резко захотелось. Так это шуршали не книги, а коробка с печеньем… Она любила ее открывать, таинственно жмурясь, и каждый раз наблюдала за его руками – когда же они потянутся в ее сторону. И всегда она опережала их и протягивала съедобный цветочек прямо к его губам. Как же это злило его. Никогда он не будет есть с руки. А она лишь забавлялась его хмурым бровям и ласково смотрела, смотрела…

Опустошив коробку, он продолжил свой сон…

Был уже глубокий день, когда в дверь постучали. Неужели опять она со своим печеньем - пронеслась первая мысль. Может меня нету дома? Стук повторился. Такой правильный и терпеливый. Стук в дверь. Так может стучать только… Он открыл дверь. В полумраке коридора явно выделялась лишь шикарная борода пришельца. Кого-то он мне напоминает… Пронеслось и застряло где-то в дебрях седых волос. А еще глаза, да, такие выразительные и влажные… Старик держал в руках что-то мятое. Он молча положил свой груз на порог и тихо и удивительно плавно ушел в темноту.

Он разглядывал, сидя на кровати, странный пустой пакет. На нем еще сохранились следы чего-то воздушно-розового и липкого. Крем. Здесь был торт? Может быть. На дне пакета Он обнаружил множество крошек. На ладонь высыпалась целая горка. Он прикоснулся кончиком языка к хрупкому пику. Несомненно, это было его любимое печенье.

Шел день. Снег искрился под солнцем. Последние крошки доклевывала воробьиная стайка. Один все не мог совладать с застывшим на трамвайных рельсах фрагментом крема. Пробегающий мимо бродячий пес жадно накинулся на остатки лакомств…

Печенье Он больше не ел. Никогда.

9

аккаунт Рула

Рула жила в небольшом провинциальном городке на берегу Мирового Океана. Честер-стрит 19/80 – трёхэтажный дом из жёлтого округлого кирпича. Чердак был мансардой, а одновременно квартирой и мастерской для мистера Ди, старого художника и доброго друга Рулы. Когда-то он удачно продал одну из своих странных картин, которые он называл настоящими, заезжему торговцу из Европы. Денег как раз хватило на то, чтобы заброшенный чердак превратился в мансарду с высокими (почти четыре метра) потолками, квадратным окном и маленькой скрипучей дверцей, в правом от входной двери углу, для выхода на крышу.

Никогда больше мистер Ди не заключал таких выгодных сделок и зарабатывал на жизнь тем, что рисовал пейзажики для кабаков и кабинетов местных торговцев. Бывало, изредка, кто-нибудь из чинов городской элиты заказывал мистеру Ди портрет – свой, либо семейный – но притом всегда уточнял: «Мистер Ди, рисуйте только без этих вот своих кругов и квадратов, мне нужен портрет моей семьи, а не трёх красных пирамид, ха!» – и довольный своей шуткой чиновник удалялся (чиновники всегда имели свойство удаляться, а не уходить, как все рядовые люди).

В левом от входной двери углу мастерской стоял большой дубовый шкаф. Руле нравилось разглядывать и осторожно трогать пальцами корешки толстых старых книг, которыми шкаф был плотно набит доверху.

Часто Рула брала полистать какую-нибудь книгу, с интересным на её взгляд названием. Но самым любимым был старый фолиант с медными застёжками и выведенным золотой краской названием «Гараван. Книга ста пророчеств».

В книге беспорядочным образом размещались сказки, иллюстрации и древние пророчества.

Наверное, настоящие картины мистера Ди – думала Рула – как эта книга. Чем дольше картина или книга целы, тем дольше живут в них всякие-разные (кто эти «всякие-разные» она решила пока не уточнять).

А если оставить их в чужом доме или вообще в музее? – такая мысль показалась грустной.

10

Гараван «Книга ста пророчеств»

Сказка о решении комиссии.

- Итак, прошу внимания! – торжественно начала Торжественная Мышь.

«Не зря её зовут «Торжественная Мышь», даже Фараон говорит, что не зря…» - подумала Тётушка Черепаха.

- Нашей уважаемой во всех отношениях комиссии необходимо принять важное, а главное, ответственное решение! – Торжественная Мышь зашуршала бумагами – Есть три кандидата на должность Необычного Существа, это Гагара, Гагара и Застраус. Предлагаю голосовать не глядя.

- Как это «не глядя», а поглядеть?! – Ондатра даже привстала на задние лапы от любопытства.

- Поглядеть не получится, – грустно заметил Добрый Барсук.

- Это почему так? Если кто-то есть, то его можно поглядеть, – возмутилась Ондатра.

Торжественная Мышь быстро записала это в свод правил комиссии, а Тётушка Черепаха подумала : «Какая, однако, эта Ондатра шустрая и шумная, не зря Фараон её не любит...»

- Понимаете, уважаемая Ондатра, здесь такое сложное дело, если глядеть кандидатов, то Гагара одна, а если принимать заявки и характеристики, то Гагары – две, постоянный только Застраус, – ещё больше грустнея, объяснил ситуацию Добрый Барсук.

Всё это странно, необычно и даже подозрительно. А Застраус всегда один?

Всегда.

- Ну и что тогда в этом необычного, однозначно, надо выбирать Гагар, – с решительным видом заключила Ондатра.

«Но ведь Застраус такой несчастный», – подумала Тётушка Черепаха и так расстроилась, что даже забыла подумать про Фараона, но этого, само собой, никто не узнал.

«А шумливая Ондатра не такая уж и дура», – сделала про себя вывод Торжественная Мышь, но записывать не стала.

- Послушайте, вам не кажется, что второй Гагары просто может не быть, вдруг кто-то написал про себя характеристику и забыл, что отправил, – Торжественная Мышь, как ведущая обязана была растянуть разговор о принятии решения на разложенный час времени, иначе ей не заплатят положенный гонорар.

- Но характеристики-то совершенно разные, совпадает только имя, – печально возразил Добрый Барсук.

- Ну и что, подумаешь – разные. А вдруг у человека разное настроение было, вчера он думал, что одинок и несчастен, а сегодня получил на работе премию и радостно сел писать характеристику для комиссии. Может он от радости и забыл, что вчера уже всё грустно написал и отправил, может ему эта премия уверенности придала, может ему она жизнь спасла, а? – Торжественная Мышь всегда внутренне гордилась своим искусством красноречия.

«У «человека» разное настроение было, а подписался два раза «Гагара», как-то это всё необычно, не по-фараонски», – подумала Тётушка Черепаха.

- Знаете, даже если и так, то это означает, что мы совершенно точно имеем дело с необычным существом или существами, – Добрый Барсук повернулся к Ондатре. – Ведь Вы же тоже так считаете?

- Что? – Ондатра пропустила весь разговор про характеристики, копошась под столом. - Никто случайно не видел мой блокнот? Он только что был вот здесь, – Ондатра показала на край стола.

- Нет, – сказал Добрый Барсук.

- Даа… дела…– протянула Торжественная Мышь.

«Фараон его знает», – подумала Тётушка Черепаха.

Ондатра села прямо на комиссионную скамью и сложила лапы на стол:

– А о ком вы сейчас говорили? – подозрительно спросила она.

Внезапное озарение пронзило всех членов многоуважаемой комиссии – Точно - Гагара! Гагары! – и как будто даже глухое «гаа-гаа-гаа…» услышали они из раскрытого в весеннюю улицу окна.

Торжественная Мышь очнулась первой и, тихонько шурша пером по листу, записала вердикт: «Признать Необычным Существом Гагару. Признать Необычным Существом Гагару, – и подумала, – Так надёжнее».

Добрый Барсук подумал : «Два раза лучше, чем один, очень умно».

«Блокнот только жалко, надо попросить компенсацию», – подумала Ондатра.

А Тётушка Черепаха ничего не подумала, только тихо пробормотала что-то неразборчивое – Шлятувся… - и втянулась в панцирь.

11

Гараван «Книга ста пророчеств»

Старая сказка о решении Застрауса

Застраус никогда не был так смущён и сконфужен. Дело в том, что в комиссии были все его милые и добрые знакомые: Торжественная Мышь, Ондатра, Тётушка Черепаха и, главное, Добрый Барсук.

«Что же произошло, – думал Застраус, – как могли двух Гагар признать необычными существами?!»

Логика уважаемой комиссии совершенно не укладывалась в голове Застрауса: «Надо не укладывать, а выстраивать», – решил он.

Но если что-то строить, то надо с чего-то начать – к сожалению, начала не было, впрочем, как не было и логики.

«Хорошо, – Застраус почесал клюв, – начнём с того, что Мышь – серая, значит, Барсук – полосатый, а Черепаха – панциревая».

Что делать с Ондатрой, было решительно непонятно.

Застраус ещё раз почесал клюв и сделал вывод: «Если с кем-то непонятно что делать, то тогда его надо определить, как побочный эффект и не учитывать при расчётах основного вывода».

Тогда возникал новый вопрос – а что именно необходимо рассчитать? Выходило, что рассчитать надо было не что, а кого.

«Нет, нет, нет, всё это полная ерунда, – сказал внутренний голос, – ведь если рассчитать надо кого-то, то получается, что рассчитываешь – ты сам, а если так, то ты и есть комиссия, а если ты и есть комиссия, то решение комиссией уже принято».

«Действительно, я и есть комиссия, как же я сразу не догадался, что сам принял решение, – подумал Застраус и успокоился, – пойду спать, утро, как говорят, вечера мудренее».

И, правда, пошёл спать.

12

аккаунт Рула

Захлопнув книгу, Рула в недоумении подумала: «Совершенно не понимаю, зачем им вообще понадобилось решать такую странную задачу? Ведь всем известно, что если что-то одним кажется необычным, то всегда найдутся другие, для кого это необычное – обычное дело. Ну, вот, например, моё белое родимое пятно на ноге, размером с монету – все говорят – как необычно, а для меня оно такое же обычное, как бутерброд с маслом».

Рула отложила книгу мистера Ди и принялась пить какао с молоком и откусывать маленькие кусочки от бутерброда с маслом.

«По мне, – продолжала рассуждать про себя Рула, – намного важнее вопрос про бутерброды - какой вкуснее, с маслом или с маслом и сыром? Вот вчера вкуснее был с маслом и сыром, а сегодня – только с маслом. А если нет сыра, то вкуснее какао. Только тогда немного странно».

Рула открыла наугад книгу и прочитала:

- Нет, нет, нет, – повторяла Ондатра бегая из одного угла кухни в другой, – разве тАк готовят настоящие бутерброды?! Это не бутерброд, а какой-то банальный хлеб с маслом.

- Странно, - думал Застраус, сидя на табурете и вертя в лапакрыльях ломоть хлеба с маслом, – а я всегда считал, что бутерброд, это и есть хлеб с маслом.

- Бутерброд, как особая история, отличается от банального хлеба с маслом тем, что падает не вниз, а вбок, – назидательно произнесла Ондатра.

Застраусу ничего не оставалось, как согласно кивать в ответ, ведь Ондатра была родом из Новой Гвинеи и говорила, что знает целых восемьсот языков. Застраус же не знал толком даже того единственного языка, на котором разговаривал сам.

14

аккаунт Поэт

Поэт писал, низко склонившись над листом бумаги:

Настоящая книга рассказывает о Первой школе мастерства, имея ввиду Поэзию, как основную составляющую любой сферы деятельности человека. Собственно говоря, речь здесь пойдёт о расширении рамок самого понятия Поэзия.

К стихосложению как таковому я буду обращаться по той причине, что это самая известная форма проявления Поэзии и, соответственно, через неё удобнее всего показать Путь Поэта, хотя стихосложение является, в общем-то, лишь частным случаем проявления Поэзии.

Необходимо сразу уточнить, что Путь Поэта возможно пройти только свободному человеку. Первая школа мастерства — это, по большому счёту, ещё не обретение свободы, а только первый шаг к ней.

Всего существует Семь школ мастерства и постигать их суть необходимо в определённом порядке, так как при нарушении порядка, из любопытства, из нетерпения или по любой другой причине, постигающий становится ещё более несвободен, чем был в начале Пути!

Цель Пути Поэта заключается в обретении способности влиять на окружающий мир, менять его не нарушая баланса.

Повторю, что стихосложение будет рассматриваться мной лишь из соображений удобства и под созданием текста не обязательно понимать именно написание стихов, так как книга — это весь мир окружающих людей, а текст — это способность писать в книгу. Я не могу написать за вас ни одной строки, но только могу показать, как это сделать.

Миром правят страсти и лишь Поэт правит страстями.

Пути Поэтов бывают разными — это может быть Путь Власти, Путь Славы, но может быть и Путь Любви, Путь Красоты. Семь школ мастерства говорят о всех возможных Путях и выбрать можно любой, но

не каждый сможет их пройти, потому я, без угрезений совести, рассказываю о всех Семи школах, зная, что не нарушу баланса. Если кто-то идёт по Пути Славы или Власти, значит таков его Путь.

Прежде чем браться за изучение Пути Поэта необходимо твёрдо усвоить одну истину — Поэзия не есть способ наиболее удачного складывания слов, Поэзия не есть постижение технических приёмов складывания слов, Поэзия — не есть складывание слов!

И ещё, Поэзия созвучна религии и философии, но только потому, что включает в себя и первое и второе…

15

аккаунт Рула

Она тихонько сидела у окна. Мистер Ди рисовал очередной пейзаж.

- Ну, вот и всё на сегодня, – мистер Ди отложил кисти. Взяв тряпку и вытирая на ходу руки, он подошёл и тоже присел у окна. За окном, по самому краю крыши лепился большой полосатый кот. Художник проследил за взглядом кота и увидел двух целующихся голубей.

- Ты помнишь, Рула, - вдруг спросил мистер Ди,– я рассказывал о заезжем торговце из Европы?

Рула кивнула.

- Тот молодой человек занимался скупкой предметов искусства, он просил продать ему все мои настоящие картины. Я долго не соглашался и тогда он попросил продать хотя бы одну, сказав, что даст за неё столько, сколько хватит на отдельную мастерскую, - Мистер Ди задумчиво покачал головой, – Знал, что это единственное, чем я мог тогда соблазниться. Да, я продал картину с большим чёрным квадратом посередине, это была очень мрачная картина о конце света. Молодой человек сказал, что когда-нибудь вернётся за остальными и отбыл из города.

Мистер Ди провёл ладонью по седым волосам и, немного помолчав, продолжил:

– Послушай, Рула, я завещал все свои настоящие картины тебе, на день твоего совершеннолетия. Тот торговец обязательно вернётся. Он будет просить тебя продать ему все картины, но ты продай только одну. Запомни, только одну настоящую картину. Обещай мне.

Давать обещания в тринадцать лет очень легко.

– Я обещаю, мистер Ди, только одну настоящую картину, – сказала Рула, глядя в окно. В этот момент полосатый кот прыгнул, но голуби вспорхнули на мгновение раньше.

Две птицы поднимались в синее вечернее небо. Две птицы летели над черепичными крышами, над головами прохожих, над маленьким провинциальным городком, что расположился на берегу Мирового Океана.

И тогда Рула увидела как кот, прикрыв свои зелёные глаза, как будто хитро улыбнулся.

16

Павел Поликарпович

Павел Поликарпович был безответно влюблён в Люсильду вот уже лет пятнадцать-двадцать, и все эти годы, перед сном, повторял про себя две строчки из стихотворения известного поэта:

«…и какую-то женщину, сорока с лишним лет,

называл скверной девочкой и своею милою…»

Весь текст стихотворения он не помнил, но часто пытался дописывать к нему продолжения, неизбежно рифмуя «милая» с «самая красивая», либо с «самая любимая».

Он рисовал в своём воображении картины, как после страстной ночи любви, небрежно раскинувшейся на постели Люсильде, он вдохновенно декламирует свои опусы. И вот, когда он доходит до строчек со «скверной девочкой», то поворачивается к ней, а она шутливо грозит ему пальчиком. Разумеется, после данной милой сценки, ночь любви плавно переходит в утро любви, день любви и т.д.

Каждое утро, кроме выходных дней, в восемь часов, выходя на службу и закрывая ключом дверь Павел Поликарпович неизменно встречал Люсильду, которая в это же время «шла гулять» свою маленькую белую болонку. Болонка нервно дёргала поводок, поскуливала, торопя хозяйку.

Павел Поликарпович всегда вежливо здоровался: «Доброе утро!»

Люсильда ничего не говорила, а только кивала в ответ. Он пропускал её вперёд, сам же, идя по коридору к лестнице, бросал взгляд на список уборки

душа с фамилиями жильцов, который был пришпилен к деревянной душевой двери. Фамилии жильцов были почему-то расположены не по порядку номеров квартир, а по алфавиту, и первым значился Ах Юлий Робертович тире №33. Павел Поликарпович читал и повторял про себя, глядя на выходящую в двери Люсильду: Ах, Юлий Робертович! «Ах» всегда выходило восхищённо, а Юлий Робертович – автоматически.

Вообще у Павла Поликарповича уже давно появилась неприятная привычка, от которой он никак не мог избавиться – когда он был восхищён чем-то или кем-то, то говоря про себя «Ах!» неизбежно вспоминал Юлия Робертовича.

Иногда Павел Поликарпович просыпался ночью от звуков подъехавшего к подъезду такси, женского смеха и громкого голоса Юлия Робертовича.

Павел Поликарпович вставал, подходил к окну и в этот момент хлопали двери парадного. Он стоял возле окна ещё некоторое время, смотрел через стекло на ночь и произносил: Ага…

17

Гараван «Книга ста пророчеств»

Старая сказка о дороге

Застраус и Страужаба были необычными существами и оба с детства имели страсть к путешествиям. Возможно, что страсть эта была невольной, так как вокруг были нормальные зайцы, страусы и жабы, и потому на наших необычных героев всегда смотрели с подозрением, а то и совсем с неприязнью.

Нужно сказать, что Застраус и Страужаба жили в разных частях света и знакомы, разумеется, не были. Но это не мешало им очень долго мечтать об одном и том же – стать такими, как все, но как можно стать «как все», если природа наделила тебя совсем другим телом, разве что произойдёт чудо. Чуда не происходило, и когда стало окончательно ясно, что и не произойдёт, оба собрали свой нехитрый скарб, попрощались с родными и отправились в путешествие по миру. Родные вздохнули с облегчением, ведь их тоже можно понять - все они были нормальными жабами, страусами и зайцами, а тут такая обуза.

Мотаясь по странам и континентам, очень часто приходилось нашим героям питаться всякой дрянью, а то и вовсе голодать, спать как и где попало. Не сладко им приходилось и, не будем излишне гладкими в выражениях, в

общем-то, отвратительно было. Ведь «не таких, как все» как-то традиционно не очень любили, и традиция эта была во всех странах, куда бы ни попадали наши путешественники.

Но, всё-таки, есть высшая справедливость, есть! Случилось, что Застраус встретил Страужабу в подворотне какого-то очередного портового городишки, где оба шатались в поисках места, что сгодилось бы для ночлега, который хоть ненадолго спрячет озябшее и голодное тело от влажного океанского сквозняка. Мало того, что они встретились, так ещё и полюбили друг друга с первого взгляда.

Как уже было сказано, высшие силы компенсировали влюблённым все перенесённые жизненные тяготы вполне реальным счастьем. Нет, речь идёт не только о их любви – любовь, она никуда из мира не пропадала и компенсировать её нет никакой необходимости – речь о том, что влюблённые обрели свой дом. Совершенно случайно (но мы-то знаем, что это бонус от высших сил) ими был открыт островок в Бирюзовом Море. Правда, необитаемым островок не был, как выяснилось, там доживал свой век старый дядюшка Сорокогусь. К традициям внешнего мира он относился равнодушно, и если Застраус и Страужаба всегда переживали и страдали от традиционного к ним не очень хорошего отношения во всех странах, то Сорокогусь просто игнорировал эти традиции, ему, если уж быть совсем откровенным, было тупо наплевать на всё происходящее во внешнем мире. К тому же Сорокогусь оказался миролюбивым соседом, пускай и не очень разговорчивым.

В положенный срок у счастливых влюблённых родился сын, и родители решили придумать какую-нибудь свою традицию с именами. После долгого обсуждения разных известных им традиций и имён, сына назвали За-стражаб.

И вот, подросший За-стражаб гулял как-то по берегу Бирюзового Моря, но настроение в этот замечательный теплый вечер было у него вовсе не замечательным – не радовали его больше ни вечернее солнце, ни бирюзовая вода, ни молодость его, в общем, ничего его не радовало. Тошно было на душе, а отчего, он никак не мог понять. Думая обо всей этой тошности, За-стражаб не заметил, как добрёл до утёса, с которого в детстве любил прыгать в море. На самой вершине сидел старый дядюшка Сорокогусь. За-стражаб по крутой тропинке забрался наверх и сел рядом с соседом. Помолчав чуть-чуть для приличия он обратился к старому дядюшке:

- Дядюшка, отчего тошно так на душе? Хожу, брожу весь день по нашему острову и думаю, вроде живём мы в тепле и покое, всего у нас в достатке, а радости никакой нет.

Сорокогусь печально улыбнулся краешками клюва и молча продолжил дымить своей бамбуковой трубкой.

За-стражаб выждал немного времени и опять спросил:

- Почему? Почему ты молчишь?

Сосед повернулся к молодому существу и вынул трубку из клюва:

- Знаешь, мой мальчик, может это и ответ.

- Но ты же ничего не сказал? – За-стражаб был в недоумении.

- Ты ошибаешься, хотя в то же время ты и прав. Молчание с тем же правом обозначает отсутствие ответов, как и их бесконечное множество.

За-стражаб расстроился.

- Это очень грустно, ведь значит ответов не знает никто, – он взял валявшуюся у его ног веточку и стал рисовать на земле бессмысленные знаки, разные круги и квадраты и даже что-то похожее на пирамиду.

- Может ты задаёшь неправильные вопросы? – Сорокогусь выпустил струю дыма прямо в заходящий солнечный диск.

Бросив свою детскую геометрию, За-стражаб поднял голову:

- А что надо спросить?

- Да ничего у меня не нужно спрашивать, но могу дать тебе совет.

- Какой?

- В далёкой стране, где все счастливы и радостны, живёт моя дальняя родственница Сорококурица. Ты можешь отправиться к ней.

- Она знает ответы?

- Да нет, и вопросов она не знает.

- Но зачем мне тогда идти к ней?

- Потому что в конце пути есть покой, а смысл - только в дорогах. В них нет радости и печали, нет счастья и горя, но есть смысл.

- А зачем мне смысл, если в нём нет радости и счастья?

- Затем, что печали и горя там тоже нет, впрочем... – Сорокогусь поднялся и повернулся к спуску с утёса, - Впрочем, для тебя это всё не имеет совершенно никакого смысла… – и начал спускаться по крутой тропинке вниз, к морю.

18

аккаунт Рула

Будучи девочкой не только мечтательной, но и практичной, Рула думала так:

«Раз я обещала мистеру Ди не продавать его настоящих картин, но жить на что-то будет нужно, то значит стану тоже художником, буду рисовать и продавать свои картины».

Рула решила, что будет путешествовать и привозить из путешествий фотографии разных знаменитых мест, а уж дома будет рисовать с фотографий картины и продавать жителям городка. В конце концов, мысли обогатиться ради богатства у Рулы не было, и она подумала, что если расскажет мистеру Ди о своей идее, то ничего в этом плохого не будет.

Поднявшись по лестнице, Рула приоткрыла дверь в мастерскую. Мистер Ди рисовал очередной заказ – парусную яхту на фоне океанского заката.

- Здравствуй Рула, – поднял голову от картины художник, отложил кисть и взял чашку с чаем, что стояла рядом на маленьком столике.

- Здравствуйте, мистер Ди, – Рула прошла и села на привычное место у окна и начала рассказывать о своём плане.

Мистер Ди, отпивая чай, слушал, не перебивал, только иногда кивал головой, что Рула понимала, как знак одобрения. Когда будущая художница закончила излагать свой бизнес-план, мистер Ди поставил чашку обратно на столик.

- План у тебя, конечно, хороший и, по большому счёту, я всю жизнь зарабатываю на хлеб именно таким способом, разве что не путешествую и дальше нашего городишки вообще нигде не был.

- Но как? Я всегда думала, что вы много путешествовали, ведь у вас столько картин, где нарисованы далёкие города и экзотические страны!?

- Да всё очень просто – дело в тебе самом. Каждый из нас в течение жизни выбирает куда пойти, что сделать или, наоборот, отказаться от поступка. И от того, что выбираешь, зависит - достигнешь ты своей цели или будешь всё время уходить от неё. Послушай, я расскажу тебе одну показательную историю, только, если ты не возражаешь, я буду одновременно заканчивать заказ. Кстати, твоя чайная чашка в буфете.

Рула встала, взяла в буфете чашку и налила себе чёрного чаю с бергамотом из разноцветного чайника, после чего села обратно у окна. Мистер Ди начал рассказывать, иногда поворачиваясь и поднимая кисточку, как восклицательный знак, в важных местах рассказа.

19

Рассказ мистера Ди

- Жил на свете один молодой человек двадцати восьми лет. После смерти бабушки ему осталась в наследство квартира в старом доме, что был когда-то особняком богатых промышленников. В той стране, задолго до рождения нашего парня, произошла революция, и вся семья тех богатых промышленников куда-то пропала.

Бабушка героя нашего рассказа в те далёкие времена была молодой революционеркой, и квартира досталась ей по распределению. В общем, квартира парню досталась «с историей».

Раз так произошло, решил наш герой, то это знак. Нужно заметить, что у парня с детства была мечта – он хотел стать кладоискателем и найти какой-нибудь сундук с золотом. Ни семьёй, ни родственниками он обременён не был и легко решился начать осуществлять свою мечту.

Сказано-сделано, сорок лет он искал клады по всему свету – участвовал в поисках знаменитых сокровищ Чингисхана, Александра Македонского, пирата Чёрной Бороды и многих, многих других сокровищ. Но, увы, за все сорок лет поисков, так не нашёл ни одного, не то чтобы сундука, но даже маленького сундучка с золотом, драгоценностями, монетами – в общем, с сокровищами.

Через сорок лет, вернувшись из очередной экспедиции, он умер в своей старинной квартире, что досталась ему в наследство от бабушки.

Так как родни у него никакой не было, квартира отошла государству, и её продали молодой семье. А когда новые хозяева стали делать ремонт, то

решили поменять расположение дверных проходов. Разобрали стену, возле которой стоял диван, на котором и скончался предыдущий хозяин квартиры. В стене оказался замурован большой сундук с золотыми монетами и драгоценностями.

Оказывается, те самые богатые промышленники, старинные владельцы дома, когда произошла революция, хотели уехать за границу, а пока улаживали разные последние дела, замуровали в стену всё самое ценное, что готовились забрать с собой. Но планы свои осуществить они не успели, так как глава семьи и два его брата погибли в мятеже на улице, про место же клада больше никто не знал.

Вот так. Наш герой просто никогда не думал, что географические передвижения на дальние расстояния ещё не гарантируют приближения к цели – вполне возможно, что цель находится на расстоянии вытянутой руки.

- А для чего он хотел найти эти сокровища, чтобы разбогатеть? - из всего рассказа Рула так и не поняла, зачем тот человек искал клады.

- Знаешь, Рула, может потому он их и не нашёл, что когда-то неправильно выбрал то, зачем ему они были нужны, но этого мы узнать уже не можем.

20

аккаунт Поэт

> Вселенная, это капля масла, что растекается плёнкой во все стороны от одного полюса шара к другому. В конце концов, плёнка лопнет в центре северного полюса, чтобы вновь стать каплей в центре полюса южного и упасть на следующий шар. Потому, не важен вопрос – что такое Вселенная, намного важнее понять – по какому шару она течёт и почему именно в эту сторону?
>
> Гараван «Книга ста пророчеств»

Поэт сидел в кресле, пил чай «Ушебти» и разглядывал свою левую руку. Он давно привык ходить на людях в одежде с длинными рукавами и в чёрной перчатке. Только дома можно было расслабиться и снять ненавистную перчатку, от которой, до сих пор, у Поэта возникало чувство пребывания в исправительной колонии.

На самом деле, он вполне мог забыть дату, но именно «вот снег, первый снег, двадцатое октября…» - такая надпись появилась первой. Поэт прикрыл глаза и вспомнил то утро…

Он смотрел на свою левую руку, где наискосок от большого пальца через кисть было выведено замысловатым почерком «вот снег, первый снег, двадцатое октября…». Поэт перевёл взгляд на календарь – на календаре был октябрь, и он как раз собирался передвинуть пластмассовое окошечко указателя на двадцатое число.

Буквы, примерно по пять миллиметров в высоту, пересекали полукругом кисть почти до мизинца. Что за… - Поэт потрогал буквы пальцем, попробовал потереть – надпись не пропадала. Она была похожа на татуировку, но странного сиреневого цвета, причём приглядевшись, он заметил, что буквы тихо фосфоресцировали.

«Так, спокойно», – произнёс он вслух, и собственный голос прозвучал как-то необычно торжественно, с каким-то скрытым ритмом.

«Банально, но такое ощущение, что это сон», – уже про себя подумал Поэт. «Во-первых, как вообще могла появиться на руке татуировка, которой ещё вчера вечером – он был в этом, разумеется, уверен – не было? А во-вторых, что означает фраза «вот снег, первый снег, двадцатое октября…»?

Поэт подошёл к окну, отодвинул штору и как-то уже без особого удивления увидел падающие с тёмно-фиолетового неба точки снега.

«А вот и снег, первый снег», – голос был всё так же странно ритмичен и вроде бы обычные слова звучали, как важное сообщение.

Да это же похоже на строчку из стихотворения! И чем дольше он повторял «вот снег, первый снег… двадцатое октября…», тем отчётливей понимал, что строка обязательно должна рифмоваться.

Он даже забыл на время про надпись на руке, но спохватившись, ещё раз внимательно осмотрел кисть, а потом и всю руку. Не обнаружив никаких других изменений, будь то слова или отдельные буквы, он посмотрел на часы – без двадцати минут шесть утра. Автобус уходил в половине восьмого, и нужно было торопиться.

Сегодня он ехал на какую-то очередную писательскую конференцию, хотя Поэт не очень-то любил все эти конференции да семинары, тем не менее, бывать на них иногда приходилось.

«Ладно, придётся надеть рубашку с длинными рукавами, а кисть аккуратно забинтовать, вроде как порезался, а лучше – обжёг кипятком…»

Так это случилось впервые. Теперь он уже знал причину появления этих надписей, и рука была покрыта ими до самого плеча. Поэт улыбнулся не открывая глаз – он даже помнил запись, что сделал тогда в своём дорожном блокноте сразу, как сел в автобус. Причём, запись не была продолжением стихотворения с руки, запись вообще не была стихотворением:

«Автобусные сиденья, которые калечат нас с детства. Автобусы дальнего и ближнего следования, пригородные и городские, межгород и автобусные туры по Европе… Ты даже не представляешь, как мне тяжело и одиноко. Обрывки мыслей, подобны кускам газет, что гонит ветер по пустым улицам моего мозга. Тротуары без прохожих, день без явного света, действительность без причины и необходимости. Только махровый оранжевый огонёк ароматической палочки в моих четырёх стенах одиночества. И ещё музыка, та, что есть – её не может не быть. Мягкие капли клавиш фортепиано звучат, капают. Всё просто, всё очевидно просто – я пытаюсь создать ощущения, но выходят чувства. Квадрат комнаты, сжатый в точку. В меня. Дождь на подоконнике. Весна…»

Странно, почему тогда он написал о весне. Поэт ещё раз улыбнулся, встал и, подойдя к письменному столу, выдвинул ящик, в котором лежали чистые листы бумаги…

21

За-стражаб

- Это же немыслимая авантюра, – Основной Заяц ходил туда-сюда по комнате с заложенными за спину руками и разбрасывая во все стороны ушами при каждом развороте. Подходя к окну, он разворачивался и, остановившись на несколько секунд, глядя на дверь, восклицал:

- Это просто гениальная и безумная идея!

После, быстрым шагом шёл к двери, останавливался и, не поворачиваясь, бормотал:

- Нет, это же немыслимая авантюра.

Недробивый Слон, перебирая ногами, медленно крутился на компьютерном стуле, делая одновременно две невозможные на первый взгляд вещи – двигался и оставался на одном месте.

- Знаешь, – медленно произнёс Недробивый Слон, - А меня вот давно беспокоит один вопрос…

- Какой вопрос? – Основной Заяц остановился и перестал разбрасывать ушами, сразу перестав быть размазанным от окна на улицу до двери комнаты.

- Вот на улице холодно или тепло, а как посередине?

- По какой середине? – не понял Основной Заяц.

- Ну, посередине, где холодно становится тепло или наоборот. В общем, когда ты можешь сказать «на улице тепло», а потом меняется, меняется, и ты говоришь «на улице холодно». А когда тепло превращается в холодно, когда именно?

- Когда, когда? Когда тебе холодно стало, так и холодно, – Основной Заяц начал раздражаться такими глупыми на его взгляд вопросами, ответ на которые всегда очевиден.

- Нет, я не об этом, – настаивал Недробивый Слон, продолжая медленно крутиться на стуле, – я тебя спрашиваю вообще, когда вообще тепло превращается в холодно, и как «оно» называется, когда посередине, когда ещё не холодно, но уже и не тепло?

- Никак оно не называется, потому что такого не бывает, всегда либо так, либо этак и никакого посередине не существует, – окончательно вышел из себя Основной Заяц и опять заходил по комнате.

- Послушай, друг, как это «так не бывает»? Если так не бывает, то каким образом тогда тепло превращается в холодно? Ведь если нет «посередине», то тогда получается, что ни в какое холодно тепло не превращается. Получается тепло само по себе и холодно само по себе. Но если так, то как они не развалятся на две части, на чём это всё держится?

- Точно, эврика, я понял! – резко остановился на полпути и закричал Основной Заяц. – На чём это всё держится, вот в чём вопрос!

В углу комнаты зашевелилась тень – это Фараон встал со своего резного диванчика:

- Послушайте, во имя моего бессмертного Ба, зачем так шуметь.

- Я понял, понял, – подбежав к нему, повторил Основной Заяц, - на чём это держится, вот в чём вопрос!

- Ну и на чём? – резонно и спокойно поинтересовался Фараон.

- На том, что всё как раз наоборот, холода и тепла не существует «вообще», они есть только в голове! – Основной Заяц возбуждённо размахивал лапами, пытаясь, видимо, изобразить тепло и холод.

- А, ты об этом, – разочарованно протянул Фараон.

- Нет, нет. Это я так, для примера. – Основной Заяц уже стоял возле медленно раскручивавшегося Недробивого Слона.

- Я понял идею За-стражаба!

- Так мы эту идею и сами понимаем, а что с того? – заметил Недробивый Слон.

Чтобы его мысль прозвучала торжественней, Основной Заяц вышел на середину комнаты и, подняв лапу, изрёк:

- Я понял, как это устроено!

Фараон и Недробивый Слон вопросительно посмотрели в его сторону, причём, у одного это был иронически-вопросительный взгляд, а второй умудрялся смотреть, не переставая вращаться на стуле.

- Всё обстоит следующим образом, – начал излагать своё понимание Основной Заяц.

- Во-первых, За-стражаб утверждает, что его не существует. Во-вторых, За-стражаб утверждает, что он единственное существующее существо. Но самое главное, Застражаб говорит, что «в нём гораздо больше смысла, чем в здравом смысле». И вот, я вас спрашиваю – на чём это всё держится? – Основной Заяц сделал значительные паузу и лицо.

- А всё оказывается элементарно просто – всё держится на нашем здравом смысле!

В комнате повисла классическая пауза.

- Да, ну и накрутил ты кренделей, – медленно проговорил Недробивый Слон.

- Действительно, накрутил, как бинтов на мумию, – подтвердил Фараон.

- А как же Рула, как ты ей это всё объяснишь? – с интересом посмотрел на Основного Зайца Недробивый Слон.

- Она же вырастет и потом сама во всём разберётся, - неуверенно предположил Основной Заяц.

- Ага, значит, говоришь, разберётся, - Недробивый Слон покосился на Фараона, явно ища поддержки, но Фараон только тягостно молчал, - потом разберётся, а нам, что нам по-твоему делать сейчас, ведь ты же знаешь правила.

- Правила, правила, - Основной Заяц уже понял, что проговорился, - а их надо изменить, вот и весь выход, надо просто решить, что старые правила никуда не годятся, потому что они слишком правильные. Предлагаю слишком правильные вещи измерять старыми правилами, а слишком неправильные вещи – новыми неправилами!

22

аккаунт Рула

- Мистер Ди, мистер Ди, они разговаривают обо мне! – Рула сидела на ковре возле шкафа и с удивлением смотрела в раскрытую книгу Гаравана.

Мистер Ди покачивался в кресле-качалке, прикрыв глаза и посасывая мундштук экзотической бамбуковой трубки, - Кто говорит?

- Они, эти, в книге!

- А, понятно. Ну да, о тебе.

- Но как так может быть, как они могут говорить обо мне, ведь это старая книга?

- Ну как – обыкновенно, ты же читаешь книгу, верно?

- Да, читаю.

- А книга читает тебя. Здесь даже ещё неизвестно кто кого больше читает.

- Как книга может читать меня?

- Ну, вот ты читаешь книгу, читаешь буквы, слова, как будто тебе кто-то рассказывает историю. А кто её рассказывает? Конечно, можно сказать, что тебе рассказывает историю тот, кто книгу эту написал. Но если того, кто её написал, уже нет в живых, кто тогда рассказывает тебе историю? Ведь не можешь же ты рассказывать эту историю, ты потому и читаешь, что хочешь узнать то, чего не знаешь сам. Получается, что единственный, кто рассказывает здесь историю, это сама книга. А если книга может рассказать историю, то почему бы ей не уметь слушать, или читать?

- Но как тогда она это делает?

- Она просто начинает жить в тебе.

- Но я читала другие книги, там никто не говорил обо мне.

- Ну, это потому, что они тебя не читали, вот и всё.

- В каком смысле, не читали?

- В том смысле, что не жили в тебе, либо жили, но не по-настоящему, а так, ненадолго.

- Как-то это всё странно-престранно, так странно, что даже не может быть.

- Думаю, что иногда может быть такое, чего не может быть, - мистер Ди положил погасшую трубку на маленький столик, который стоял рядом с креслом, - впрочем, также бывает и наоборот.

Рула совсем запуталась, ведь как так что-то может быть, чего быть не может, а уж тем более, как так может быть наоборот? Она закрыла книгу, - Наверно, они и есть те самые «всякие-разные», - подумала Рула.

- Знаешь, Рула, - продолжал между тем мистер Ди, - всё дело в том, что написанных до конца книг не существует.

- Но вот эта же написана до конца, - Рула показала на книгу Гаравана.

- Нет, нет, нет, я не об этом. Дело в том, что не существует книг, написанных полностью, до конца. Если бы такая книга была, то какой тогда был бы толк писать все остальные. Все книги недописаны, а у всех историй всегда открытый финал, это даже не финал, а скорее остановка на полуслове. Каждый раз, когда ты читаешь книгу – книга читает тебя, и история продолжается. Книга может родиться, может погибнуть, но никогда не может быть написана до конца.

23

аккаунт Рула

Храня тепло, рука летит,
И ночь - в преддверии побега,
А Вы меня не отпускаете,
И лилии на фоне скатерти
Белее утреннего снега.

Стекло, за инеем – шары,
Набухли жёлтым, синим, красным.
Полёт материи атласной,
И продолжение игры…

Мистер Ди часто читал стихи вслух. Рула очень любила слушать эти таинственные рифмованные слова, ей всегда казалось, что стихи, это древние заклинания и люди просто разучились их использовать. Стихов мистер Ди знал очень много и разных. Сам он их сочинил или прочитал в каких-то старых книгах – об этом Рула никогда не спрашивала. Те стихи, что особенно нравились Руле, запоминались как-то легко и сразу. И, ложась спать, она могла ещё долго их повторять, закрыв глаза и чуть шевеля губами. Как сейчас.

"Я Вас люблю"...
В конце строки,
Простите мне земную слабость:
Шары, цветные маяки,
Миры, сближения, усталость

И где-то слово реализм,
Да и вообще любое слово.
И бьются вьюги о карниз.
Ну что ж Вы плачете!
И снова –

Рула не совсем точно представляла значение слова «реализм», но от этого стихи становились ещё таинственнее, а она видела себя совершающей древний колдовской ритуал.

Храня тепло, рука летит,
И ждёт невольного ответа.
Стекло рождает новый вид -
Ему молчание претит,
И чуть осталось до рассвета.

Летит, не самолёт, но миг,
Стучит не маятник, но время.
Я ни к чему здесь не привык -
Мы рядом, близко, мы впритык.
Мы одиноки… в самом деле…

Рула представила цветные летящие шары, которые отражаются в морозных узорах окна, тихо потрескивает огонь в камине и белоснежные лилии на скатерти взлетают вместе с шарами. «За инеем шары… набухли жёлтым, синим, красным…», – повторила она ещё раз уже засыпая.

24

Сон Павла Поликарповича

…Был пасмурный осенний вечер. Деревья сбрасывали с себя листву, как вялые постаревшие стриптизёрши. Дождь не шёл, но было мерзко. Зато по тротуару шёл какой-то человек. Он был одет в чёрные шляпу и пальто, а вместо трости тяжело опирался на длинный коричневый зонт в чёрную же клетку.
Из-за угла, навстречу человеку вышел Павел Поликарпович.
«Ага, Тотал Продрог!» - воскликнул про себя Павел Поликарпович.
Вслух же вежливо сказал, приподняв собственную серую шляпу:

- Добрый вечер!
Тотал ничего не ответил, но остановился и кивнул.
- Какой модный, однако, на Вас прикид! - продолжил завязывать беседу Павел Поликарпович, про себя же подумал: «И как элегантно он облёван…»
Вслух:

- Вы, видимо, философ?..
Про себя: «Или, не приведи Господи, непризнанный поэт?..»
Тотал Продрог посмотрел на Павла Поликарповича мутным взглядом, но и на сей сомнительный комплимент не ответил ничего. Они раскланялись, и каждый пошёл своей дорогой.
Неожиданно дорога оборвалась. Павел Поликарпович стоял на огромном пустом пространстве. Было мутно, но не холодно. Он посмотрел на линию горизонта и увидел, как в его сторону двигается огромная масса людей. Их было сотни, нет, даже тысячи – это были непризнанные гении всех времён и народов. Непризнанные приближались, молча и быстро, будто их гнал в спину ветер. В руках они несли бумажные флаги и транспаранты с кусками своих, никому не пригодившихся произведений. И только шуршание ветра было слышно в этой пронзительной и серой тишине!
«Ага!» - подумал во сне Павел Поликарпович, но тут, вдруг, ощутил в себе волну страха, переходящую в панический ужас – он не мог сдвинуться с места: «Они меня раздавят!!! Раздавят, раздавят, раздавят!..»
И когда гибель казалась уже неминуемой, Павел Поликарпович разглядел,

что все эти Непризнанные сделаны из огромных листов бумаги! И ещё он разглядел, что флаги не шевелятся, и нет никакого ветра, а только шуршат вырезанные из бумаги люди.
В этот момент, откуда-то сверху, опустилась рука с огромным степлером и начала пришпиливать Непризнанных к земле, и шпилила, и шпилила, и шпилила бесконечно, а они всё шли и шли. Опустив глаза, Павел Поликарпович заметил, что и сам не мог сдвинуться с места, потому что пришпилен двумя скрепками, и руки его из бумаги, и весь он вырезан из бумажного листа!
Павел Поликарпович страшно и недоуменно огляделся и проснулся…

25

аккаунт Поэт

Сон разума рождает чудовищ, сон сердца рождает монстра…

Гараван «Книга ста пророчеств»

Поэт отложил авторучку. Чай остыл, но идти на кухню, ставить чайник на плиту ему совершенно не хотелось. Он прошёлся по комнате и опять сел за письменный стол, вспомнив, что ему надо ещё написать ответ на полученное сегодня днём письмо:

Чей он, этот город? Твой? Мой? Ничей?..

Ночью, когда спускаюсь с горы – этот город прекрасен и таинственен своими огнями. Ночью он прекрасен с горы и, с той же горы, днём, зимой – он (прости) ужасен. Он – как огромная мусорная свалка, с дымящимися кое-где коробками, мешками и пластиковыми цветными бутылями многоэтажек, офисных зданий. И всё – припорошено снегом. И всё – кое-где дымится, парит.

Погружаться в город (а с горы можно только именно погружаться), мне неприятно, мерзко, противно – я погружаюсь… И чей он, этот город тогда – тогда он не мой, это точно…

А сейчас я уехал с горы, уехал зимой, накануне Нового года и теперь погружён всегда, даже не выныриваю…

Иногда мне кажется, что все города похожи на этот, и тогда мне не хочется уезжать, потому как нет смысла. Какой смысл менять одно человеческое поселение на другое (будь это и деревня), если везде идёт снег?..

А твой город – далёкая, холодная красавица. Я не хочу к ней ехать навсегда, в объятья! Почему? Утром красавица оказывается без макияжа и парика. Утром – смотрю на неё с горы. На неё, припорошенную снегом, кое-где парящую (но парит от дымит, не от поэзии). Страшусь утра.

Я поеду к красавице, но в гости. Ненадолго. Именно, что – в гости. Я поеду в гости к той знаменитой ночной аптеке, что найду на каждом углу (поверь, я найду), поеду к Набережной (любая из них – история!), а главное, поеду к тебе, но… не хочу с горы, не хочу!

Вот, опять предпочитаю тебя (живого человека!) – городу. Сам способ предпочтения – земной, а взгляд – сферный, из высоты, и потому – кажущаяся холодность (но это не так!).

Ты прости меня за мою строгость и, даже, некоторую отрешённость – речь не о безразличии, речь о нас, как о целом. Это, как основа, не разнимаемая уже часть в физике - какой-нибудь нейтрино. А если о физике, то вспоминаю о расстояниях. Сейчас объясню связь – может и дурацкий вопрос, может и неудачное сравнение – а что есть между основными частицами? Вакуум? Значит между нами расстояния вакуума, то есть, расстояния из ничего, из пустоты. А мы – основные частицы, связанные сильным электромагнитным взаимодействием. Есть взаимодействие, но между – нет ничего. Странно, правда? Основные частицы, как основные тупики, потому как дальше некуда, а вместе – никак…

Заговариваюсь. Заговариваюсь сам с собой – это хуже всего. Заговориться бы с тобой…

26

Письмо Поэту

Ты был, есть – всегда. Ты помнишь (вспомни), как идёт снег, тот самый, первый, чистый и без выхлопов на обочине. Даже обочины белоснежны.

Откуда твоя любящая ненависть или, может, ненавидящая любовь? Снег и тёплый – ты же сам писал, что он первый – тёплый. Больше ничего, ты входишь в город и – светлее. Это главное, остальное – не имеет значения.

Даже когда ты такой, мне тебя мало. Мне всегда тебя не хватает, а воздуха хватает всегда. Что я хочу сказать – всего лишь, что ты – важнее воздуха. Нет, не о человеке говорю, о другом - о тебе. Помнишь – «Это больше, чем сон…»

Приезжай, хоть и не ко мне, к городу приезжай. Я постою рядом, посижу рядом – рядом с тем, где ты дышишь…

Ваш (там) критик (глупый) написал «здесь останется это неважным». Как он не слышит, так я слышу тебя. Что - не важным? – вся твоя жизнь человека, это сноска, сноска на полях поэзии.

Иногда (каюсь), я думаю, что таким быть нельзя, ты не должен быть, то есть здесь, то есть нам. За что?! За какие наши грехи, за какие наши варварства?..

Снег, первый и тёплый – ты же сказал. Когда он на губах (говорю пафосно, но не знаю, как по-другому сказать), на моих губах, то трогаю тебя, тебя настоящего и это больше, чем сон.

Замечаю, что избегаю слова «люблю», но это оттого, что не то, не то слово… Даже не так – мало слова! – вот так…

Поэт поднёс письмо к лицу – чуть слышный запах утреннего бриза и левкоя. Она до сих пор любит запахи морского побережья.

Внизу, под окном прошуршали шины подъехавшего к подъезду автомобиля, потом стук дверцы и женский смех – Ах Юлий Робертович приехал. Поэт решил всё-таки согреть себе чаю. «Заодно и с Юлием поздороваюсь», - подумал он устало…

27

аккаунт Рула

Мистер Ди умер два года назад, а вчера Руле исполнилось восемнадцать. Она сидела на подоконнике в мастерской-мансарде и как в детстве смотрела в окно. Книга неизвестного Гаравана была перечитана Рулой уже много раз. Она даже подсчитала, что пророчеств в книге не сто, а всего лишь тридцать шесть и что сказок и иллюстраций ровно столько же.

За окном мастерской сгущались ранние зимние сумерки. Рула достала из стола чистую тетрадь с нелинованными страницами, которую нашла сегодня утром, когда разбирала картины и книги мистера Ди.

«А что, – подумала Рула, – быть сегодня только художником мало, буду ещё и писателем», - и раскрыв тетрадь, быстро записала начало своей истории:

Ранний зимний вечер опускался на город. За инеем темнеющего окна набухали разноцветные шары - жёлтые, синие, красные – и он вроде бы знал, что это обычные неоновые фонари реклам, искажённые замёрзшими на стекле парами воды, но зудело внутри смутно определимое, странное чувство, даже не чувство – желание, желание не знать подробностей… Рисковать не хотелось…

Рула остановилась и, ещё раз перечитав написанное, посмотрела в окно:

«Да, пускай герой моей книги будет жить в таком же, как я, маленьком провинциальном городе. А иногда я буду приходить к нему во сне, и писать стихи прямо у него на руке. Ну, это так, для эффекта, чтобы книга получилась чуть-чуть мистической».

… Он сидел в кресле, пил чай «Ушебти» и разглядывал свою левую руку. Он давно привык ходить на людях в одежде с длинными рукавами и в чёрной перчатке. Только дома можно было расслабиться - снять ненавистную перчатку и рассмотреть эти странные надписи на руке…

«Да и вообще, я буду писать ему письма, а он будет писать мне ответы, как будто мы живём в разных странах. И ещё, пускай он,.. пускай он будет Поэтом.»

…Герой смотрел на цветные разбухающие шары. Он был Поэтом, но сегодня не было стихов, только проза…

28

Сон Поэта

Из темноты показалась дама с собачкой, это была Люсильда Игоревна Шуршат-Подольская.

- Здравствуйте, Люсильда Игоревна, – Поэт впервые назвал соседку по имени.

Люсильда ничего не ответила и скрылась за пустым углом.

Похолодало. Внизу раскрылся молчаливый, парящий выхлопными газами город. Город шевелился, но был слышен только скрип открывающегося окна и шум редких далёких порывов ветра.

- Добрый день, – перед Поэтом, приподнимая серую шляпу, стоял Павел Поликарпович.

- Но темно, разве сейчас не ночь? – удивился Поэт.

- О, разумеется, сейчас день, только вот такой он хреновый, – вежливо улыбнулся Павел Поликарпович. – Что ж, молодой человек, прощайте, – и он скрылся в прохладной чёрной мути.

- Привет, друг мой Поэт! – Андрей Родионович похлопал Поэта по плечу. – Как оно, пишется?

- Да, честно говоря, не очень.

- А чего это так? – весело поинтересовался Андрей Родионович.

Поэт пожал плечами:

– Судьба такая.

- А-а-а, ясно, – понимающе кивнул Андрей Родионович, – бывает.

- Бывает – повторил Поэт.

- Что бывает?

- Ну, Вы говорите «бывает», вот я и повторил.

- Зачем?

- Ну, не знаю, принято так.

- А-а-а, ясно, – ещё раз с пониманием кивнул Андрей Родионович и пропал.

Поэту показалось, что у него за спиной кто-то вышел из темноты.

- Кто здесь? – Поэт обернулся.

– Кто здесь? – ещё раз спросил он шепотом.

Маленькая беловолосая девочка издалека смотрела на Поэта, сжимая в руках плюшевого зайца. За спиной девочки колыхалась высокая тёмная человеческая фигура. Поэт попытался рассмотреть лицо, но черты шевелились и ускользали. Девочка засмеялась и забежала за спину тёмной фигуры. Поэт ещё раз попытался рассмотреть лицо тёмного высокого, но это никак не удавалось.

- Послушайте, кто Вы?

- Я – ответила фигура.

– Я-я-я-я-я – повторило далёкое эхо.

- Я? – и произнеся это слово, Поэт вдруг всё понял. Не было никого, не было Павла Поликарповича и Андрея Родионовича, не было Юлия, Люсильды и маленькой бешеной болонки. Впервые он увидел весь свой страх узнать в этой тёмной фигуре кого-то знакомого. Впервые он увидел всё своё подобострастье перед этим страхом узнавания. Был только тот, кто смотрит на самого себя. И впервые Поэт это сделал.

- Я – становится популярным, – произнёс он зачем-то вслух.

29

Гараван

Гараван захлопнул толстый фолиант и поставил на полку.

«Надо писать новую историю», – думал он, тяжело опускаясь в резное потрескавшееся деревянное кресло.

«Жаль, что все новые истории ещё древнее старых. Жаль, что каждый раз приходится всё переписывать заново, а я слишком стар и память меня подводит. Самое время писать книгу о себе. И можно не торопиться, ведь моего времени всё равно не хватит, ведь всё горячее рано или поздно остывает, даже горячее сердце.

Здесь возникает масса побочных вопросов. Например, как сложится судьба Поэта – может он, как это принято у поэтов, погибнет, может быть встретит Рулу? Кто кого пишет – Поэт Рулу или Рула Поэта? И вообще, кто такая Рула?

Но всё это не важно, ведь, на самом деле, всю жизнь меня беспокоил всего лишь один вопрос – где во всём этом Я?»

Глава 13

Романтическая отповедь

Вы думаете, что вы искушены в поэзии, и это действительно так, но не настолько, насколько вы думаете. Проблема в том, что в пространстве смыслов можно жить, но нельзя думать.

Если вам предлагают живое стихотворение, то вы предлагаете в ответ мертворожденных младенцев. Всё потому, что вы считаете, будто смерть – более вечное состояние, чем жизнь. Именно здесь кроется ваша главная

ошибка, потому как жизнь, это не только плоть и кровь, потому как текст на бумаге – это не всё стихотворение. Текст - вторичен и временен, но стихотворение живёт вовсе не в тексте.

Если вы считаете, что стихи – это игра, то вы обязательно и гарантированно проиграете. Вы уже проиграли, только боитесь себе в этом признаться, вы проиграли с самого начала, так как писать стихотворения у вас никогда не хватало смелости. Вы никогда не могли решиться, потому что всегда боялись жертвовать. Вы слишком любите свои заплывшие салом и жиром тела, у вас слишком тяжёлые, заплывшие салом и жиром сердца. Вы умны, но этого недостаточно, потому что вы мертвы, а зачем мёртвому ум? Нет смысла обижаться, есть смысл стать честным. Хотя бы один раз, честно найти оправдание не себе, но другому, хотя бы один раз, обвинить не другого, но себя.

Назовите это страстью, желанием, любопытством, но я предпочитаю называть это словом – жизнь.

Ты не просто едешь в трамвае, идёшь по улице, занимаешься сексом – каждый раз ты пишешь стихотворения – это и есть стихотворения. А то, что на бумаге – лишь точки, скрепляющие отрезки жизни. Но с годами на бумаге остаётся всё меньше, так как с годами ты сам становишься стихотворением.

Страшно лишь одно – когда звуки исчезают, и нет сил и смелости продолжать, остаются только инерция и фоновый шум.

Ваши стихи и проза – только побрякивание знаков на бумаге. Именно поэтому вы отстаиваете книги – вас нет за пределами книги. Но дело в том, что вас там никогда и не было, так как где вы там есть, кто вы там есть?

Вы считаете алтарь поэзии, жертвенник, Пегаса красивыми старыми метафорами, и для вас это так и есть, ведь вам не знакомо божественное.

Вы придумываете себе множество оправданий, и в том не было бы ничего особенного, но своим безразличием вы родите мертвецов, вы растите и воспитываете мертвецов – в этом ваша главная мерзость!

Вы – рабы самих себя, но так как вас нет, то чьи вы рабы? А если вы так свободны, то кто свободен?

Поэт всегда как что-то постыдное, на что смотреть не принято, больно и соблазнительно одновременно. Как если бы смотреть на человека, бредящего на кровати туберкулёзного отделения, худого, задыхающегося. В подгузниках, которые ему надевают, потому как он уже не может и не понимает, что в сортир нужно подняться. Потому что ему это уже не стыдно - не поднимаясь лежать в подгузниках. Да и не поднимется он уже никогда. Вот здесь, при ТАКОМ настоящем и возникает то, во что верится. Верится, потому что ЭТО настоящее нельзя отменить, но можно опровергнуть только другим таким же. Вот здесь, при таком настоящем и появляется Поэт. Предметы уже теряют самоценность и становятся знаками, символами, метафорой, декорацией.

Даже побрякивание знаков может дать экзистенциальный опыт - опыт бренности и пустоты, но даже этот мелкий опыт вам не знаком. Ведь вы не способны даже на самоубийство, так как что или кого убивать?

У вас нет автора и смысла, нет поэзии. Так что же у вас есть, кроме зловонной кучи быта, похоти, скидок и кредитов?

Не ищите себе оправданий в вине других – там нет ваших оправданий. Ищите себя. За любым текстом стоит автор – тот, кто делает текст стихотворением или романом. Но пока вас нет, у вас не будет ни стихотворений, ни романов…

Все смеялись: ходили в спортзалы, сидели на диетах и в социальных сетях, пили лекарства, спаривались и ели – смеялись. И летели над планетой Земля их нервные смешки, презрительные усмешки, понимающие ухмылки и громкий ржач – смеялись. Но нет-нет, да мелькали в этом бесовском сонмище одна-две грустные улыбки.

- Поэт… Дурак… - думал он и совсем не улыбался.

КОНЕЦ